

за пределами своей страны, но сердца ее подданных являются ее самыми доблестными завоеваниями» (стр. III).

Затем следует краткий очерк истории цивилизации, беглый и банальный, в котором виден скорее опытный ритор, привычный к общим местам, чем истинный историк. Здесь идет несколько фраз, которые отвечают духу, царящему при дворе, и в которых Западу указывается его истинное место: «Лишь по истечении многих веков Италия стала школой добродетелей и нравов; но, произведя изобильные жатвы, эта страна была внезапно поражена бесплодием. Французы, оставаясь долгое время варварами, связывали с литературой низменную и гнусную идею. Они презирали перо, довольствуясь умением владеть саблей и дубиной, чтобы со славой убивать друг друга» (стр. VI).

Однако цивилизация победила: «Двор Людовика XIV стал в свою очередь школой учтивости и вкуса; просвещение шире распространилось по всей Европе; и все народы, от Эбро до берегов Волги, увидели сияние нескольких искр священного огня, которые, как вы предвидите, должны скоро погаснуть» (стр. VI—VII).

Князь Куракин действительно беспокоится о будущем и боится возврата к варварству. Тюрпен хочет его успокоить: «Хорошему вкусу нечего больше бояться переворотов, с тех пор как утонченные и независимые нации соединены между собой коммерческими и политическими интересами. Невидимая цепь формирует из них теперь единое литературное общество. Люди, разделенные реками и морями, живут вместе и делятся друг с другом своими познаниями. Сидя в своих кабинетах, они присутствуют повсюду. Спокойные и безоружные, они дают и принимают бои идей. Их победы или поражения всегда оборачиваются пользой для наций, которые из-за них становятся более просвещенными. Именно благодаря этим столкновениям побеждаются и разрушаются национальные предрассудки, исчезают или по крайней мере смягчаются местные пороки, а местные красоты заменяются чертами, которые нравятся людям всех времен и областей» (стр. VI—VII).

История человеческой мысли, как представляет ее Тюрпен, подтверждает его веру в разум: «Декарт, вооруженный сомнением, поднимает знамя мятежа. Новый Титан, он сражается с богом наций. Возмущенная толпа объявляет его святотатцем. Глухой к бессмысленным воплям, он восстановил человека в достоинстве его прав и отомстил за униженный разум» (стр. XIII—XIV).

Но философия Декарта была в свою очередь подвергнута испытанию: «Когда Аристотель перестал быть законодателем и тираном вкусов, воцарился культ картезианской философии. Идолопоклонство лишь переменило объект. Французский философ взгромоздился на алтарь вместо им же разбитого кумира. Чья же рука ниспровергла это новое здание, более пышное, нежели надежное? Народы Европы подвергли эту философию испытанию, которое разоблачило ее суетность. Именно иностранцы открыли нам,